

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИЧЕСКИХ РОМАНОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КИТАЕВЕДОВ

Карапетян Ольга Николаевна,
студентка первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и
африканистика»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ

На сегодняшний день Китай является не только одним из ведущих государств в мировом экономическом развитии, но и хранителем уникального культурного кода. Китайская культура складывалась тысячелетиями, проходила этапы стагнации и бурного развития. Литературная мысль Китая, помогающая сохранять феноменальный культурный код, также уникальна. Она не только рассказывает о жизни людей, их чувствах, поступках и устремлениях, но и сочетает в себе философские и исторические аспекты. Для каждой эпохи в истории Китая характерны свои жанровые особенности.

В работе рассмотрены литературоведческие исследования российских востоковедов классических китайских романов «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад» и «Сон в красном тереме», приводятся высказывания известных учёных об особенностях сюжетов данных романов, их образов и героев. При написании работы использовались ресурсы фонда редких изданий Научной библиотеки ДВФУ и владельческих книжных коллекций учёных-востоковедов: доктора исторических наук, профессора

В.В. Совастеева и доктора исторических наук, профессора Н.В. Кочешкова.

Романы «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад» были созданы в период правления династии Мин (明代) [10], которая является одной из самых продолжительных (1368–1644 гг.), и как следствие, достаточно стабильной [3, с. 79]. Российский синолог, д-р филол. наук, профессор М.Е. Кравцова в своей работе «История культуры Китая» обращает внимание на то, что, придя к власти на гребне народных антиправительственных волнений, минская династия уже в первые десятилетия своего существования полностью восстановила централизованную имперскую форму правления, добилась относительной стабилизации внутривластной и экономической обстановки в стране. В сфере духовной культуры усилия центральных властей и интеллектуальной элиты общества были также направлены на реставрацию национальных культурных ценностей. Но всецело предавшись реставрационной деятельности, минская культура как бы оказалась в плену древности и впала в подобие оцепенения [3, с. 79].

Известный востоковед, д-р филол. наук, член-корреспондент АН СССР, профессор Н.Т. Федоренко отмечал, что в эпоху Мин обстановка консерватизма обусловила определённый застой в развитии официальной китайской литературы. Господствующим классом широко используется идеалистическая философия сунской эпохи (宋代) [10], на государственных экзаменах вводится схоластический литературный стиль «багу» (八股文) [10], (классическое восьмичленное сочинение). В результате чего в литературе господствующих классов началось окостенение литературной формы и омертвление мысли, которая втискивалась в обязательные восьмичленные предложения, обуславливавшиеся этим стилем. Происходила канонизация отживших традиций литературного языка [7, с. 123-124].

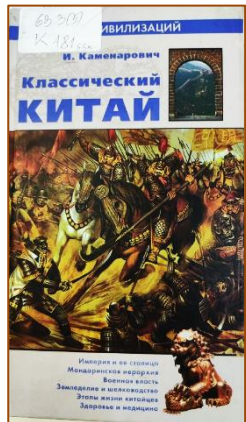
СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

В противовес этой упадочной литературе господствовавших классов продолжает развиваться литература, связанная с народом. К этой литературе относятся романы: «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад». Особую роль в литературе минского Китая начинает играть художественная проза – рассказ, повесть и роман, развитие которых было связано с ростом городов, оживлением ремесленного производства и торговли [7, с. 124].

Известный синолог, доктор филологических наук, профессор Е.А. Серебряков выделяет следующую особенность романов «Троецарствие», «Речные заводи»: «Роман эпохи Мин (明代小说) [10], отображал многообразие явлений действительности и сложные связи личности с обществом, значимые исторические события. В романе правдивое описание событий, быта, поступков персонажей органично соединялись с вымыслом, с фантастикой, со стремлением к героике и возвышению. Обычно в минском романе можно выделить группы глав, тяготеющих к известной сюжетной законченности и рассказывающих о действиях одного главного для

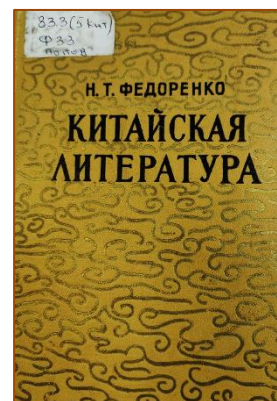
данного отрывка героя. Целостность же повествования достигалась общей идеей и темой» [5, с. 102]. Н.Т. Федоренко полагает, что «художественная проза этого периода имеет своим истоком сунскую художественную прозу жанра «хуабэнь» (话本) [10]. Однако в отличие от сунской прозы, создателями которой главным образом являлись выходцы из низших городских сословий и бродячие рассказчики-шошуды (说书的) [10], минская художественная проза создавалась большей

частью представителями чиновничества, людьми, имевшими литературное образование и поэтому умевшими придать литературную форму такому богатому содержанию материалу» [7, с. 125]. Как считает известный французский китаист Иван Каменарович, в эпоху династии Мин роман «часто заимствует свои

сюжеты в прошлом, он побуждает интерес к чтению у новых социальных слоев. Самые знаменитые китайские романы относятся именно к этой эпохе» [2, с. 254]. По его мнению, в этих романах тексты создаются на языке, гораздо более приближенном к разговорному. Это также можно отнести и к особенностям романа «Путешествие на Запад» [2, с. 254].

Профессор Н.Т. Федоренко в своей книге «Китайская литература» отмечает, что в XVI веке на основе бытовавших в народе сюжетов Ло Гуань-чжун (罗贯中) [10] создаёт исторический роман «Троецарствие» (三国演义) [10]. Роману «Троецарствие», являющемуся одним из наиболее популярных в Китае произведений, принадлежит выдающееся место среди бессмертных творений художественного гения китайского народа. В романе изображаются события, относящиеся к III веку, когда крушение Ханьской династии (汉代) [10] и возникновение многочисленных

междоусобных войн привели к образованию на территории Китая трёх царств: Вэй (魏国) [10], Шу (蜀国) [10], У (吴国) [10]. Книга начинается с изображением достоверных событий – народного восстания, известного под названием «Жёлтых повязок» (黄巾之乱) [10]. Повстанцы призывали к свержению режима «серого неба» (灰天) [10] и утверждению «жёлтого неба» (黄天) [10], которое должно было покоиться на «тайпиндао» (太平道) [10] – «пути великого благоденствия». «Ло Гуань-чжун рассказывает об огромной популярности повстанцев в

народе, о сочувствии и поддержке которыми они пользовались, о мужестве и бесстрашии народных героев, об авторитете и влиянии их вождей». Н.Т. Федоренко также считает, что «смелый показ народного восстания в романе, несомненно, свидетельствует о передовых, прогрессивных взглядах автора книги» [7, 128].

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

На фоне исторических битв, в которые были вовлечены массы народа и которые привели Китай к невиданному разорению, Ло Гуань-чжун раскрывает различные характеры враждовавших между собой героев романа – монархов и правителей, узурпаторов

и тиранов, мужественных полководцев, бесстрашных воинов [7, с. 127–129]. Е.А. Серебряков обращает внимание, что в образе обедневшего представителя свергнутого императорского рода – Лю Бэя (刘备) [10] конфуцианские положительные качества смыкаются с идеалом гуманного правителя из народно-эпической традиции. Лю Бэй ведёт борьбу против узурпатора Цао Цао (曹操) [10], который предстаёт воплощением отрицательных черт недостойного властителя [5, с. 102]. Цао Цао

уничтожает и обезглавливает его людей за малейшие проступки и ослушания. Для достижения своих узурпаторских целей он не брезгует никакими средствами: подкуп, тонкая лесть, лицемерие и ханжество сочетаются в нём с бесчестием, вероломством, предательством [7, с. 133].

Лю Бэю же помогают отважные и справедливые военачальники Гуань Юй (关羽) [10] и Чжан Фэй (张飞) [10], проницательный и мудрый советник Чжугэ Лян (诸葛亮) [10]. Главными достоинствами народных героев Гуань Юя и Чжан Фэя являются мужество, отвага, высокая воинская доблесть, полководческие способности. Они сплочены и связаны узами дружбы, скреплёнными кровью во время клятвы в персиковом саду Чжан Фэя. Их союз стал в сознании китайского народа символом верности и взаимной преданности. Одним из самых популярных героев романа является знаменитый Чжугэ Лян [7, с.131–132]. Его образ олицетворяет мудрость, верность и любовь к стране и народу, мужество и отвагу. Не зря его имя стало нарицательным в Китае –

им обычно называют человека проницательного ума, находчивости, дальновидной политики [7, с.132]. Е.А. Серебряков подчёркивает, что их военные способности необыкновенны, даже приобретают сверхъестественный характер, и они совершают сказочные подвиги. В изображении батальных сцен Ло Гуань-чжун добился небывалого успеха. «Троецарствие» написано книжным языком, но облегчённым для понимания и со значительной долей вкраплений разговорного языка [5, с. 102].

Н.Т. Федоренко в своей книге «Китайская литература» делает вывод о важном значении «Троецарствия», доказывая, что в нём ярко изображены действительные исторические события, и утверждая, что этому роману заслуженно принадлежит выдающееся место в сокровищнице бесценного культурного наследия китайского народа. Это прекрасное художественное произведение, оказавшее большое влияние на развитие литературного творчества Китая, до сих пор занимает одно из наиболее почётных мест среди исторических романов [7, с. 134].

Другое произведение, анализируемое в монографии Н.Т. Федоренко, – роман «Речные заводы» (水浒传) [10] Ши Най-аня (施耐庵) [10], основанный на исторических сказаниях XII века. Роман повествует о восстании Сун Цзяна, которое вспыхнуло приблизительно в 20-х годах XII века во времена правления династии Сун [7, с. 134].

Чешский учёный А. Палат в статье «Исторический фон романа «Речные заводы» и возникновение текста романа» отмечает, что «Речные заводы» – «собрание приключенческих историй, связанных с разбойничьим лагерем у Ляншаньпо. Они необычайно точно отражают общие настроения китайского населения того периода: его неудовлетворенность жизнью, стремление к справедливости и, наконец, осознание того, что перемены не произойдут сами собой, что за них необходимо бороться» [1, с. 316]. Н.Т. Федоренко, говоря об особенностях романа «Речные заводы», подчёркивает, что тот был создан на основе фольклора – устных повествований, передававшихся из поколения в поколение. «В

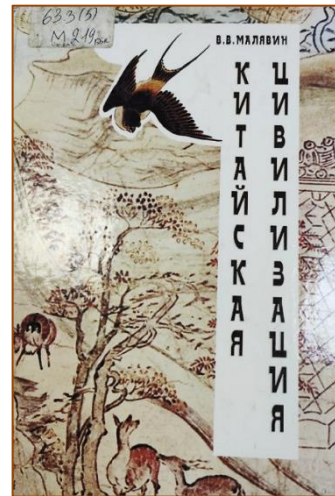
СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

романе, представляющем собой замечательный памятник китайской классической литературы, с одной стороны, рисуются мрачные картины господства феодалов и бюрократии, а с другой – в увлекательной форме изображается самоотверженная борьба бесстрашных людей – повстанцев, поднявшихся против угнетения народа...» [7, с. 135].

А. Палат отмечает, что многие герои романа индивидуализированы, наделены яркими характерами. Сун Цзян (宋江) [10] всегда рисуется как идеальный герой, необычайно великодушный, щедрый, справедливый, и даже в тех редких исключениях, когда его охватывает сильный гнев, он принимает решения лишь после трезвых раздумий. Его цель – добиваться мирного пути разрешения всех вопросов и всегда проявлять к противнику уважение, если для этого есть хоть какая-то возможность. У Юн (吴用) [10] – хитрый стратег, который никогда не теряет ни в какой ситуации, у него всегда наготове уловка, идея или план, как победить противника и обеспечить успех действиям разбойников. Ли Куй (李逵) [10] – непосредственный, ловкий и вспыльчивый человек, сильный и смелый, но не дисциплинированный боец, страстно ненавидящий врага. У Лу-Чхишэня (鲁智深) [10] тоже дикий и горячий нрав, но доброе сердце [1, с. 318]. Он жертвенен, всегда готов прийти на помощь попавшему в беду товарищу. Антагонистами романа являются жадные феодалы и чиновники во главе с Цай Цзином (蔡京) [10]. Они представлены угнетателями простого народа. В их образах воплощены худшие человеческие качества, их действия сопряжены с многочисленными уловками и жестокостью [7, с. 136].

Роман «Речные заводи» – крупнейшее реалистическое произведение – относится к лучшим творениям художественной прозы по широте замысла, по гуманизму, по своему общественному значению, сочности и своеобразию языка. Автор романа, по словам критика Ли Си-фаня, «достиг вершин искусства, творящего типическое» [7, с. 137].

Следующим важным шагом в развитии эпической прозы стал роман У Чэнь-эня (吴承恩) [10] «Путешествие на Запад» (西游记) [10]. Его источником послужили многочисленные новеллы, повествовавшие о паломничестве китайских монахов в Индию, на родину Будды [4, с. 408]. Н.Т. Федоренко отмечал, что эти легенды об удивительных похождениях монаха Сюань Чжуана (唐僧) [10], обогащенные неистощимой фантазией народных рассказчиков книг, и составляют сюжетную основу романа [7, с. 138]. Примечательно, что в образе главного героя автор воплотил не монаха, а его спутника Сунь У-куна (孙悟空) [10] – «царя обезьян».

Сунь У-кун – необыкновенная обезьяна. Он родился из камня в форме яйца, произвел переполох во дворце Небесного Владыки (天宫) [10] и был послан Буддой сопровождать Сюань Чжуана на его трудном и опасном пути в Индию [7, с. 138]. В.В. Малявин, повествуя о героях романа, пишет, что Сунь У-кун обладает необыкновенными способностями: он может превращаться в кого пожелает, летать по воздуху, и носит за ухом булавку, которая превращается в волшебную палицу [4, с. 408]. Необыкновенно символична волшебная способность Сун У-куна исцелять людей от недугов. Герой, как его рисует народная фантазия, является олицетворением пронизательности, негибимой воли, настойчивости, неистощимой энергии, гуманности и чувства юмора [7, с. 139].

Фантастический колорит романа «Путешествие на Запад» В.В. Малявин обозначил как приметку неоконфуцианской эпохи в китайской культуре с обострённым сознанием иллюзорности зримых образов, понимаемых как следы духовных метаморфоз. Фантастика в данном случае побуждает читателя отвлечься от

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

внешнего мира и обратить свой взор в глубины собственного опыта. Роман может читаться как увлекательная приключенческая повесть, а может восприниматься как язвительная сатира на бюрократию Поднебесной империи [4, с. 408].

Широкая популярность романа «Путешествие на Запад», по мнению Н.Т. Федоренко, заключается и в том, что он явился победой живого языка пинхуа (平话) [10] над господствовавшими в литературе мёртвыми формами письменного стиля; он вобрал в себя множество народных поговорок, пословиц, идиоматических выражений, сравнений, образов, вызвал многие подражания [7, с. 139]. И. Каменарович отметил, что главные герои романа стали «персонажами многочисленных басен и пьес» [2, с. 254].

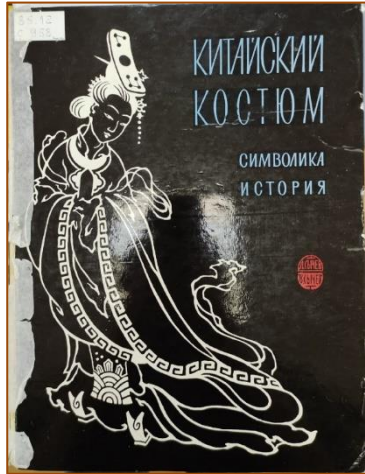
Также ярким образцом классического китайского романа является «Сон в красном тереме» (红楼梦) [10] Цао Сюэ-циня (曹雪芹), созданный в период правления династии Цин (清朝) [10] (1644–1911), которая пришла на смену эпохе Мин в ходе маньчжурского завоевания [7, с. 140–142]. В стране вспыхивали многочисленные крестьянские восстания, усилилась деятельность тайных обществ. Захватившие власть над Китаем императоры иноземной Цинской династии повели жестокую борьбу со всяким проявлением свободомыслия. Пытаясь ослабить сопротивление китайской интеллигенции, цинские власти сознательно уводили китайских писателей и учёных от вопросов современности в древность, возрождали в литературе и искусстве архаику, поощряли подражание старине. В классической прозе возродился целый ряд литературных направлений, появились и видные писатели, лишённые, однако, оригинальной творческой манеры. Но маньчжуры не смогли взять под свой полный контроль народную литературу, которая продолжала развиваться, неся в массы антиманьчжурские настроения [7, с. 140–142]. По мнению Н.Т. Федоренко, роман «Сон в красном тереме», наряду с «Речными заводями», принадлежит к шедеврам старой китайской литературы. На ярком реалистическом фоне жизни китайского общества XVIII века их авторы умели создавать замечательные образы,

отличающиеся тонкостью психологического анализа, глубиной и меткостью характеристик [7, с. 154–155]. Ольга Лазаревна Фишман, д-р филолог. наук, литературовед-синолог, переводчик, акцентировала внимание, что именно глубина понимания человеческих чувств роднит «Сон в красном тереме» с романами эпохи Мин. Отличительной особенностью произведения является его сюжет. Многие исследователи подчёркивают автобиографический характер романа: судьба рода Цзя (в двух дворцах которого протекает действие романа) сходна с судьбой семьи автора. Писатель прямо говорит, что решил «поведать миру «Историю камня», скрыв подлинные события и факты», просто рассказать о «девушках минувших дней», «излить свою душу». Такое исповедальное обращение к читателю непривычно для китайской прозы [8, с. 593].

Особенностью романа можно также считать то, что события реальности причудливо переплетаются с мифологическими сказаниями. Роман открывает пролог о прекрасной богине Нюй-ва (女娲) [10]. «Задельвая пролом в небосводе, богиня Нюй-ва сплвила вместе 36 501 разноцветный камень. Последний камень оказался лишним, но, побывав в руках у богини, он приобрёл чудесные свойства: мог передвигаться, увеличиваться или уменьшаться в размере, но вечно страдал оттого, что не вошёл в число выбранных Нюй-ва камней» [8, с. 593]. Затем описываются приключения необычного камня. Далее действие из мифологического пространства переносится в реальный земной план – во дворец Жунго (荣国府) [10] в Нанкине, принадлежавший одной из ветвей аристократического рода Цзя. Жена чиновника Цзя Чжуна родила сына, во рту которого нашли кусочек нефрита, «сверкающий всеми цветами радуги», мальчика назвали Бао-юй (宝玉) [10] – Драгоценный нефрит. По прошествии лет во дворец Жунго привозят двоюродную сестру Бао-юя, лишившуюся матери, болезненную девочку Линь Дай-юй (林黛玉) [10]. Дети подружились. Когда к ним присоединяется другая двоюродная

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

сестра Бао-юя, Сюэ Бао-чай (薛宝钗) [10] (Драгоценная шпилька), Дай-юй ревнует к ней Бао-юя [8, с. 594]. «Забытый сон Бао-юя» – это как бы воспоминания о будущем, «Сон в красном тереме». Название «Двенадцать шпилек» концентрировало внимание на судьбах девушек, «Сон в красном тереме» – на буддийской идее, что сон – это жизнь со всеми её страданиями. В начале романа Цао Сюэ-цин говорит, что главная идея этой книги – сон [8, с. 594].

В работе «Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве» говорится, что далее события романа развиваются вокруг троих главных героев, формируя своеобразный любовный треугольник, который также носит философский подтекст. Внешне в сюжетной канве романа двойственная природа Бао-юя выразилась в его неземной любви к Линь Дай-юй и в узах земного брака, которыми его связала Бао Чай [6, с. 81]. За фантазийность повествования в романе отвечают сны главного героя о небесных девах, поющих песню «Сон в красном тереме», о книге судеб, где с помощью символов описаны жизни главных героинь [6, с. 82].

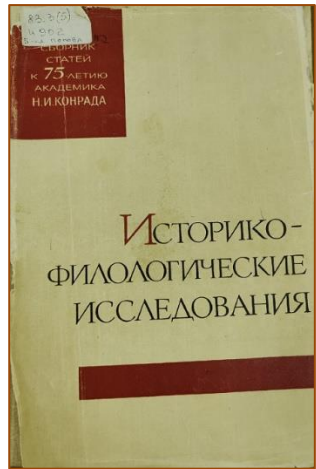
Анализируя образы главных героев, Л. П. и В. Л. Сычёвы отмечали, что юноша Бао-юй – образ, в котором причудливо переплетены древнейшие верования с философией даосов и буддистов. Это чудесный камень, брошенный на землю, где ему пришлось пройти цикл превращений и, как бы в воздаяние за свою непригодность для высокой миссии, испытать «сон жизни» со всеми его горестями и страданиями (буддийский мотив). Бао-юй – существо одновременно и небесное, и земное, в нём заложены начала мужское и женское, что автор постоянно подчёркивает своеобразием его поступков, наружности и глубоко символическим

одеянием [6, с. 81]. Его имя означает – «Драгоценный нефрит», что вновь говорит о сочетании в нём неземного (небесного) и земного (так как нефрит это все же камень). Главные героини – Линь Дай-юй и Бао Чай воплощают два космических начала, но в житейском смысле это всё же две девочки, и при этом две соперницы [6, с. 83]. Небесное создание, Трава бессмертия, Пурпурная жемчужина – Линь Дай-юй, темпераментна, как молния, плаксива, как туча, её настроения изменчивы, как цвет вечерних облаков, и если ей удастся скрыть свою изначальную сущность, то совершенно не умеет она прятать терзающую её чисто девичью ревность. Имя героини состоит из двух иероглифов – «黛» (краска для бровей) и «玉» (нефрит). Если иероглиф «黛» и «玉» поменять местами, а знак «黛» будет заменён омонимом «帶» (пояс), то получается «нефритовый пояс» – «玉帶». Дай-юй связана с Бао-юем иероглифом «玉» (нефрит). Таким образом, общность иероглифа подчёркивает небесную связь героев [6, с. 82–83].

Рассматривая литературные образы в романе, Сычёвы обратили внимание не только на сходства, но и на различия черт в характерах героинь. Так, Сюэ Бао Чай, в отличие от Линь Дай-юй, устойчива, как земля, и холодна, как снег, покрывающий её, но ей не чуждо и человеческое. Конечно, она чуть-чуть ревнует, но прячет это в сверхтактичные формы. Она говорит, что терпеть не может косметики, думая, что в этот момент, если кто-нибудь вспомнит, что её соперницу зовут «Краска для бровей», все-таки уличить её в ревности не будет оснований. Значение её имени – «Драгоценная шпилька для волос». Её фамилия созвучна китайскому слову «雪» – снег. С Бао-юем героиню связывает иероглиф «宝». С одной стороны, это ценности, которыми мы обладаем в земной жизни, с другой стороны – это омоним к слову «抱» – «обнимать» и к слову «饱» – «насыщать». Следовательно, можно думать, что общностью иероглифа «宝» автор подчёркивает земную связь Бао-юя и Бао-чай [6, с. 82–83].

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Л. П. и В. Л. Сычёвы заметили, что большое внимание в произведении Цао Сюэ-цинъ отводит костюмам персонажей и цветописии. По мнению исследователей, костюм может явиться ярчайшим воплощением материальной оболочки, под которой скрыта сущность человека, что лучше может символизировать превратности земной жизни, её тщетные взлеты и горестные падения, её краски и аромат [6, с. 81]. Очень часто Цао Сюэ-цинъ описывает одеяния главного героя до мельчайших подробностей (золотой и серебряный цвета нитей в орнаменте одной из деталей костюма). Этот приём относит читателя к необычному происхождению Бао-юя. Золото – цвет земли, пшеничных колосьев, а серебро – цвет неба, облаков и туч [6, с. 86].

Особое место в романе играет красный цвет. В произведении фигурирует тринадцать разных оттенков этого цвета, восемь из которых определяют окраску одежд. Однако, доминирует дахун (大红) [10], который сам писатель определяет как цвет капель крови. С одной стороны, в этом цвете слились воедино силы Инь и Ян (阴阳) [10], сплелись в горниле страсти, отсюда и восхитительный блеск пламени.

Но отсюда же и другой образ: всё, что рождается, умирает, радость кончается страданием. Таким образом, красный цвет становится воплощением бренности мира, тщеты суеты людской, которая то радует своей ослепительной яркостью, то печалит скоротечной бесплодностью [6, с. 86].

О.Л. Фишман в своих исследованиях пришла к выводу, что до появления «Сна в красном тереме» китайская проза не проявляла интереса к душевному состоянию героев, к смене их настроений, к их переживаниям. Описание любовной тоски, душевного смятения, мук ревности, надежды, сменяющейся отчаянием, радости, переходящей в печаль, пристальное внимание к психологии

отдельных персонажей – вот то новое, что привнес в китайский роман Цао Сюэ-цинъ и, что сделало его произведение великим завоеванием китайской литературы XVIII в. [8, с. 596-597]. Главное, что занимает писателя, – это взаимоотношения людей и связь между поступками персонажей и чувственным опытом. Он проводит чёткую грань между любовью и чувственной страстью. Те, кто ищет только удовлетворения своей чувственности, счастливы. Любящие же по-настоящему – страдают. Они не только становятся жертвами манипуляций других людей, но и обречены на гибель из-за своей душевной незащищённости, ранимости, хрупкости [8, с. 597].

По словам О.Л. Фишман, роман Цао Сюэ-цинъ представляет собой нечто вроде энциклопедии нравов традиционного китайского общества [8, с. 597].

К особенностям романа относятся: и структура «Сна в красном тереме», и психологическая мотивированность поступков персонажей, превосходные стихи, органически входящие в текст романа, отточенный язык, в основе которого лежит пекинский диалект, – всё это составляет художественные достоинства романа Цао Сюэ-цинъ, одного из шедевров не только китайской, но и мировой литературы [8, с. 598-599].

Таким образом, на основании рассмотренных источников, востоковеды считали, что каждый китайский классический роман имеет свой исторический контекст. Согласно Н.Т. Федоренко, романы «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад» «обнажают многочисленные пороки общества того времени, его гнилость и закостенелость. В них прослеживается желание народа к обретению свободы и равенства» [7, с. 141]. Исследователи классических китайских романов подчёркивают, что герои произведений – простые люди и военачальники, монархи и мудрецы, имеют свои особенности характеров, собственные убеждения. Персонажи живые и фактурные, каждый из них уникален. Кроме того, китаеведы отмечают, что всем романам присущи элементы фантастики и сверхъестественного. Так, О.Л. Фишман отмечала аллегоричность романа «Сон в красном

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

тереме», в котором «истинной оказывается сверхреальность, реальность же объявляется «сном жизни» [8, с. 594].

Данные литературные памятники были близки к народу, так как в них воплотились все чаяния простых крестьян и ремесленников. Они народны ещё и потому, что были составлены на основании повествований рассказчиков. По словам Н.Т. Федоренко, язык романов полон поговорок, идиом и присказок, понятных всем [7, с. 140].

Рассуждая о значении литературных произведений для общества того времени, Н.Т. Федоренко писал, что «творчество китайских романистов высоко поднимало веру в людей, в простого человека, в его честность и благородство. В этом, несомненно, одна из ценных традиций китайского романа» [7, с. 141].

Список литературы

1. Палат, А. Исторический фон романа «Речные заводы» и возникновение текста романа // Историко-филологические исследования : сборник статей к семидесятипятилетию академика Н.И. Конрада / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка ; [редкол.: М.Б. Храпченко (гл. ред), В.И. Барковский, В.М. Константинов]. – Москва : Наука, 1967. – С. 315-320.
2. Каменарович, И. Классический Китай / И. Каменарович. – Москва : Вече, 2006. – 416 с.
3. Кравцова, М. Е. История культуры Китая : учебное пособие для вузов / М. Е. Кравцова. – СПб. : Изд-во «Лань», 2003. – 416 с.
4. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – Москва : Астрель, 2000. – 632 с.
5. Серебряков, Е.А. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н.э. – начало XXI в.): имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе / Е.А. Серебряков, А.А. Родионов, О.П. Родионова. – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2005. – 333 с.
6. Сычев, Л.П. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве / Л.П. Сычев, В.Л. Сычев. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1975. –134 с.
7. Федоренко, Н.Т. Китайская литература : очерки по истории китайской литературы / Н. Т. Федоренко. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 731 с.
8. Фишман, О. Л. «Сон в красном тереме» // История всемирной литературы. В 8 т. : т. 5 / Академия наук СССР ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1988. – С. 593-599.
9. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. В 3 т. : т. 1. / Цао Сюэцинь. – Ладомир : Москва : Художественная литература, 1995. – 293 с.
10. bkrs.info – URL: <https://bkrs.info> (дата обращения 05.07.2022).